МУДРОСТЬ ОТЦА БРАУНА

ВСЕМИРНАЯ ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

Г.К. ЧЕСТЕРТОН

Молот Господень
Гилберт Кийт Честертон

Аннотация
Гилберт Кийт Честертон. Молот Господень

Аннотация

«Деревушка Боуэн-Бикон угнездилась на холме с такими крутыми склонами, что высокий шпиль сельской церкви казался пиком небольшой горы. Возле церкви стояла кузница, обычно пышущая пламенем и всегда усеянная молотками и кусками железа. Напротив нее, на перекрестке двух вымощенных булыжником улочек, находился единственный местный трактир под названием «Синий вепрь». Как раз на этом перекрестке, в свинцово-серебристых рассветных сумерках встретились два брата, хотя один из них только начинал день, а другой завершал его. Преподобный и достопочтенный Уилфред Боуэн был очень набожным человеком и собирался в церковь, чтобы провести время за утренней молитвой или в благочестивых размышлениях. Его старший брат, полковник Норман Боуэн, не отличался набожностью и сейчас сидел во фраке на скамье перед «Синим вепрем» и допивал очередной бокал, который для наблюдателя с философским складом ума мог считаться последним во

вторник или же первым в среду, в зависимости от настроения. Самому полковнику это было безразлично…»

Гилберт Кийт Честертон
Молот Господень

Деревушка Боуэн-Бикон угнездилась на холме с такими крутыми склонами, что высокий шпиль сельской церкви казался пиком небольшой горы. Возле церкви стояла кузница, обычно пышущая пламенем и всегда усеянная молотками и кусками железа. Напротив нее, на перекрестке двух вымощенных булыжником улочек, находился единственный местный трактир под названием «Синий вепрь». Как раз на этом перекрестке, в свинцово-серебристых рассветных сумерках встретились два брата, хотя один из них только начинал день, а другой завершал его. Преподобный и достопочтенный Уилфред Боуэн был очень набожным человеком и собирался в церковь, чтобы провести время за утренней молитвой или в благочестивых размышлениях. Его старший брат, полковник Норман Боуэн, не отличался набожностью и сейчас сидел во фраке на скамье перед «Синим вепрем» и допивал очередной бокал, который для наблюдателя с философским складом ума мог считаться последним во вторник или же первым в среду, в зависимости от настроения. Самому полковнику это было безразлично.

Боуэны были одним из немногих аристократических семейств, чья родословная действительно восходила к Средневековью, и их фамильный стяг

когда-то реял в Палестине. Но было бы заблуждением полагать, что такие великие дома строго блюдут рыцарские традиции. Лишь немногие, кроме самых бедных, хранят верность традициям, но аристократы живут не традициями, а веяниями моды. Представители рода Боуэнов были элегантными гуляками из лондонской золотой молодежи во времена королевы Анны и неисправимыми щеголями и донжуанами при королеве Виктории. Но, по примеру других старинных родов, за последние двести лет они выродились в обычных пьяниц и фатоватых болванов, а в округе ходили слухи и о сумасшествии. Действительно, в волчьей погоне полковника за удовольствиями было что-то нечеловеческое, а его хроническая решимость не уходить домой до утра отдавала не только бессонницей, но чем-то более темным и безобразным. Это был высокий породистый самец, уже пожилой, но с яркой соломенной шевелюрой. Его можно было бы назвать блондином с благородной внешностью, но его голубые глаза запали так глубоко, что казались черными. Они также были посажены слишком близко друг к другу. Длинные желтые усы полковника очерчивались двумя глубокими складками, идущими от ноздрей до подбородка,

так что усмешка казалась вырезанной у него на лице. Поверх вечернего костюма он носил любопытный светло-желтый плащ, похожий скорее на вечерний халат, чем на одежду для улицы, а на затылке у него сидела ярко-зеленая шляпа с необыкновенно широкими полями — очевидно, какая-то восточная диковинка, выбранная наугад. Полковник гордился такими неуместными нарядами, вернее, гордился тем, что он всегда мог уместно выглядеть в них.

Его брат, викарий, тоже желтоволосый и элегантный, был наглухо застегнут в черное и чисто выбрит, но в его ухоженном лице угадывалась нервозность. Казалось, он живет только ради своей веры, но некоторые (особенно кузнец, принадлежавший к пресвитерианскому вероисповеданию) утверждали, что им в большей степени движет любовь к готической архитектуре, нежели любовь к Господу, и что его призрачные утренние прогулки по пустой церкви представляли собой всего лишь более возвышенную разновидность той же почти болезненной тяги к прекрасному, которая заставляла его брата упиваться вином и женщинами. Действительно, это обвинение в значительной степени можно было объяснить невежеством и неправильным пони-

манием его любви к уединенным местам, так как его часто видели коленопреклоненным, но не перед алтарем, а в крипте, на галерее или даже на колокольне. Сейчас он собирался войти в церковь через двор кузницы, но остановился и слегка нахмурился, когда заметил, что взор запавших глаз его брата устремлен в том же направлении. Он не стал впустую тратить время на обдумывание гипотезы, что его брат вдруг заинтересовался церковью. Оставалась лишь кузница, и, хотя кузнец был пуританином и не принадлежал к его пастве, Уилфред Боуэн слышал о скандалах, связанных с его красивой и довольно известной женой. Он с подозрением покосился на сарай, а полковник встал и со смехом подошел к нему.

— Доброе утро, Уилфред, — сказал он. — Как видишь, я добрый помещик и бессонно присматриваю за своими чадами. Вот собирался зайти к кузнецу.

— Его нет дома, — буркнул Уилфред, глядя в землю. — Он в Гринфорде.

— Знаю, — беззвучным смехом отозвался его брат, — именно поэтому я собираюсь заглянуть к нему.

— Норман, — произнес клирик, разглядывая камешек на дороге, — ты когда-нибудь боялся

грома и молнии?

— Что ты имеешь в виду? — осведомился полковник. — Занимаешься метеорологией на досуге?

— Я хочу сказать, ты когда-нибудь думал, что Бог может поразить тебя прямо на улице? — спросил Уилфред, не поднимая головы.

— Прошу прощения, — сказал полковник. — Я вижу, ты увлекаешься фольклором и народными приметами.

— Зато ты увлекаешься богохульством, — отрезал священник, задетый за единственное живое место в его характере. — Но если ты не боишься Господа, у тебя есть веские причины бояться человека.

Старший брат вежливо приподнял брови.

— Бояться человека? — повторил он.

— Кузнец Барнс — самый большой и сильный мужчина на сорок миль вокруг, — жестко сказал священник. — Я знаю, ты не трус и не слабак, но он может перебросить тебя через стену.

Удар пришелся в цель, и темная складка у губ и ноздрей полковника заметно углубилась. Какое-то мгновение он стоял с застывшей ухмылкой на лице, но потом овладел собой и хрипло рассмеялся, оскалив два собачьих клыка из-под

желтых усов.

— В таком случае, дорогой Уилфред, последний из Боуэнов поступил благоразумно, частично облачившись в доспехи, — беззаботным тоном произнес он.

Он снял свою странную круглую шляпу и показал стальную подбивку. Уилфред узнал легкий китайский или японский шлем, висевший среди других военных трофеев на стене в прихожей.

— Первая, что подвернулась под руку, — легкомысленно пояснил он. — Всегда попадается первая шляпа… ближайшая женщина…

— Кузнец в Гринфорде, — тихо сказал Уилфред. — А когда вернется, неизвестно.

С этими словами он повернулся и пошел в церковь, склонив голову и мелко крестясь, словно человек, который хочет избавиться от нечистого духа. Ему не терпелось забыть об этой мерзости в прохладном сумраке высоких готических сводов, но в то утро ему было суждено нарушить свое одинокое религиозное бдение из-за других досадных мелочей. Когда он вошел в церковь, обычно пустую в этот ранний час, коленопреклоненная фигура поспешно поднялась на ноги и направилась к освещенной двери. Когда викарий увидел, кто это такой, то замер от изумления, — ведь это

был не кто иной, как деревенский дурачок, племянник кузнеца, никогда не интересовавшийся церковью, да и чем-либо еще. Его называли Безумным Джо за неимением другого имени; это был крепкий сутулый парень с грубо вылепленным бледным лицом, прямыми темными волосами и вечно разинутым ртом. Когда он прошел мимо священника, на его блаженной физиономии не отразилось и намека на то, что он думал или делал в церкви. Раньше его никогда не видели коленопреклоненным. Что за молитвы он возносил сейчас? На этот вопрос не было ответа.

Уилфред Боуэн оставался пригвожденным к месту достаточно долго, чтобы увидеть, как дурачок выходит на солнечный свет, и даже как его беспутный брат приветствует Джо со снисходительным добродушием. Последнее, что он видел, был полковник, бросавший пенсовые монетки в разинутый рот идиота с явным намерением попасть в цель.

Эта безобразная картина человеческой глупости и жестокости наконец направила аскета к молитвам об очищении и новых помыслах. Он подошел к скамье на галерее под витражным окном, которое он любил за то, что оно всегда успокаивало его душу: синее окно с ангелом,

несущим лилии. Там он почти перестал думать о дурачке с серовато-бледным лицом и рыбьим ртом. Он почти перестал думать о своем дурном брате, расхаживающем как отощавший лев в своем ужасном и ненасытном голоде. Он все глубже погружался в сладостную прохладу сапфировых цветов и бирюзового неба.

Здесь полчаса спустя его нашел Гиббс, деревенский сапожник, которого спешно послали за ним. Он сразу же встал, так как знал, что Гиббс мог явиться в такое место лишь по важному делу. Гиббс, как и многие деревенские сапожники, был атеистом, и его появление в церкви было даже более удивительным, чем приход Безумного Джона. Это было утро теологических загадок.

— Что случилось? — чопорно спросил Уилфред Броуэн, но его рука, протянутая за шляпой, заметно дрожала.

Атеист ответил неожиданно почтительным и даже сочувственным тоном.

— Прошу прощения, сэр, — произнес он хриплым шепотом, — но мы подумали, что будет правильно сразу же известить вас. Случилось ужасное происшествие, сэр. Боюсь, что ваш брат…

Уилфред стиснул костлявые кулаки.

— Какое еще непотребство он сотворил? — с непроизвольной страстью вскричал он.

— Что вы, сэр, — сапожник откашлялся. — Видите ли, он ничего не сотворил и, боюсь, уже ничего не сотворит. Боюсь, его больше нет, сэр. Вам правда лучше пойти со мной.

Викарий последовал за сапожником по короткой винтовой лестнице, которая привела их к боковому выходу над улицей. Боуэн сразу же увидел место трагедии, раскинувшееся под ним как на ладони. Во дворе кузницы стояли пять или шесть мужчин, в основном одетых в черное, один в форме инспектора полиции. Там был врач, пресвитерианский священник и католический пастор Римской церкви, к которой принадлежала жена кузнеца. Последний что-то быстро говорил ей приглушенным голосом, а она — великолепная женщина с золотисто-рыжими волосами — горько рыдала на скамье. Между этими двумя группами, совсем рядом с большой кучей кузнечных молотов, ничком лежал человек во фраке, разбросавший руки и ноги. Глядя с высоты, Уилфред узнавал каждую черточку его наряда и облика, вплоть до фамильных перстней Боуэнов на пальцах, но голова представляла собой чудовищное месиво, похожее на звезду из

спутанных темных волос и запекшейся крови.

Уилфред Боуэн только раз глянул вниз и сбежал по ступеням во двор. Врач, который был семейным доктором, приветствовал его, но он едва заметил это.

— Мой брат мертв, — пробормотал он. — Что это значит? Что это за ужасная тайна?

Повисло тяжелое молчание. Потом сапожник, самый разговорчивый из присутствующих, подал голос.

— Действительно, ужасное дело, сэр, — ответил он. — Но никак не таинственное.

— О чем вы? — спросил Уилфред с побелевшим лицом.

— Все просто, — пояснил Гиббс. — За сорок миль есть только один человек, который мог нанести такой удар, и у него было больше всего причин это сделать.

— Не стоит делать поспешных выводов, — вставил доктор, высокий мужчина с темной бородкой и нервными пальцами, — но я вынужден подтвердить то, что говорит мистер Гиббс о характере удара, сэр: это удар невероятной силы. Мистер Гиббс говорит, что его мог нанести только один человек в округе. Сам я сказал бы, что человек не в силах нанести подобный удар.

Тщедушная фигура викария содрогнулась от суеверного ужаса.

— Не понимаю вас, — пробормотал он.

— Мистер Боуэн, — доктор понизил голос. — Здесь метафоры ускользают от меня. Фрагменты кости врезались в тело и землю, как пули в глиняную стену. Это была рука великана.

Он немного помолчал, мрачно глядя через стекла очков, а потом добавил:

— В этой ситуации есть одно преимущество, снимающее подозрение с большинства людей. Если бы вас, меня и любого человека обычного телосложения обвинили в таком преступлении, мы были бы оправданы точно так же, как младенец, которого заподозрили в краже колонны Нельсона.

— Об этом я и твержу, — упрямо повторил сапожник. — Есть лишь один человек, способный сделать это. Где кузнец Симеон Барнс?

— Он в Гринфорде, — прошептал викарий.

— Скорее всего, уже во Франции, — пробормотал сапожник.

— Его там нет, — послышался тихий и бесцветный голос, принадлежавший маленькому католическому священнику, который присоединился к остальным. — По правде говоря, сейчас

он идет сюда по дороге.

Маленький священник, с коротко стриженными темно-русыми волосами и круглым флегматичным лицом, и так не привлекал к себе внимания, но даже если бы он был великолепным Аполлоном, никто не взглянул бы на него в этот момент. Все повернулись и уставились на дорогу, петлявшую по равнине внизу, по которой действительно шел кузнец Симеон, легко узнаваемый по размашистой походке и молоту на плече. Это был ширококостный гигант с глубоко посаженными, зловещими темными глазами и черной бородкой. На ходу он спокойно беседовал с двумя другими людьми, и хотя не выглядел особенно веселым, казалось, не испытывал никакого беспокойства.

— Боже мой! — вскричал сапожник-атеист. — Вот и молот, которым он это сделал!

— Нет, — возразил инспектор, солидный господин с усами песчаного цвета, который впервые подал голос. — Молот, которым он это сделал, лежит вон там, у церковной стены. Мы оставили тело и орудие убийства на своих местах.

Все обернулись, а низенький священник молча подошел поближе и осмотрел инструмент, не трогая его. Это был один из самых небольших и

легких молотов, который не привлек бы к себе внимания, если бы не пятна крови и пучок желтых волос, прилипший к бойку.

Священник заговорил, не поднимая головы, и в его невыразительном голосе зазвучали новые нотки.

— Мистер Гиббс был не прав, когда говорил, что здесь нет никакой тайны, — сказал он. — По крайней мере, непонятно, почему такой крупный мужчина решил нанести сокрушительный удар таким маленьким молотом.

— Это неважно, — отмахнулся Гиббс, охваченный лихорадочным нетерпением. — Что нам делать с Симеоном Барнсом?

— Оставить его в покое, — тихо ответил священник. — Он сам идет сюда. Я знаю его спутников. Это очень хорошие люди из Гринфорда, и они пришли сюда, чтобы поговорить о делах пресвитерианской церкви.

В этот момент высокий кузнец появился из-за угла церкви и вошел во двор своей кузницы. Там он застыл неподвижно, и молот выпал у него из рук. Инспектор, сохраняя непроницаемый вид, сразу же подошел к нему.

— Мистер Барнс, я не буду спрашивать вас, знаете ли вы о том, что здесь произошло, — сказал

он. — Вы не обязаны отвечать. Надеюсь, вы не знаете и сможете это доказать. Но я должен соблюсти формальности и арестовать вас именем короля по обвинению в убийстве полковника Нормана Боуэна.

— Вы не обязаны ничего говорить, — поддакнул сапожник в официозном рвении. — Им придется все доказать. Они еще не доказали, что это полковник Боуэн, — только посмотрите, что осталось от его головы!

— Это не пройдет, — сказал доктор, стоявший рядом со священником. — Не нужно выдумывать детективные истории. Я был личным врачом полковника и знал его тело лучше его самого. У него очень изящные кисти рук, но с одной необычной особенностью: указательный и средний палец одинаковой длины. Так что это полковник, никаких сомнений.

Проследив за его взглядом, неподвижно стоявший кузнец посмотрел на труп с размозженным черепом, лежавший на земле.

— Полковник Боуэн мертв? — спокойно спросил он. — Значит, теперь он в аду.

— Ничего не говорите! Не надо ничего говорить! — вскричал сапожник-атеист, приплясывавший в экстазе от восхищения английской

юридической системой. Никто так не привержен букве закона, как антиклерикалы.

Кузнец бросил на него взгляд через плечо.

— Вы, безбожники, можете юлить, как лисы, потому что мирские законы благоволят вам, — произнес он с высокомерием фанатика. — Но Господь хранит своих избранных, и сегодня вы убедитесь в этом.

Он указал на полковника и спросил:

— Когда этот пес умер за свои грехи?

— Лучше придержите язык, — предостерег доктор.

— Придержите язык Библии, и я придержу свой. Когда он умер?

— Я видел его живым в шесть утра, — выдавил Уилфред Боуэн.

— Господь справедлив, — произнес кузнец. — Мистер инспектор, я не имею ни малейших возражений против ареста. Это вам, возможно, не захочется арестовывать меня. Я-то выйду из суда без единого пятнышка на моей репутации, а вот вы можете заработать неприятную отметину в своей карьере.

Солидный инспектор впервые посмотрел на кузнеца с интересом, как и все остальные, не считая странного маленького священника, который

по-прежнему разглядывал молоток, нанесший чудовищный удар.

— Перед кузницей стоят два человека, — продолжал кузнец с тяжеловесной рассудительностью. — Это добрые ремесленники из Гринфорда, вы все их знаете. Они поклянутся, что не расставались со мной с полуночи и до рассвета в зале собраний нашей общины, где мы всю ночь радели о спасении души. В самом Гринфорде еще двадцать человек присягнут о том же. Если бы я был язычником, инспектор, то предоставил бы вас худшей участи, но, будучи добрым христианином, хочу дать вам возможность и спросить: хотите ли вы выслушать мое алиби сейчас или в суде?

На лице инспектора впервые отразилась некоторая озабоченность.

— Разумеется, я буду рад немедленно очистить вас от подозрений, — сказал он.

Кузнец вышел со двора той же широкой и размеренной походкой и вернулся с двумя своими друзьями из Гринфорда, которые действительно были хорошо знакомы почти всем собравшимся. Каждый из них произнес несколько слов, не вызывавших и тени сомнения у остальных. Когда они дали показания, невиновность Симеона об-

рисовалась столь же несомненно, как и громада церкви над их головами.

Над местом трагедии сгустилось особое молчание, более странное и невыносимое, чем любая речь. Пытаясь хотя бы как-то завязать разговор, викарий обратился к католическому священнику.

— Кажется, вас очень интересует этот молоток, отец Браун, — не к месту заметил он.

— Действительно, — ответил отец Браун. — Почему он такой маленький?

Доктор резко повернулся к нему.

— Ей-богу, это правда! — воскликнул он. — Кто возьмет молоток, когда рядом валяется десять больших молотов?

Понизив голос, он наклонился к уху викария и добавил:

— Только тот, кто не может поднять большой молот. Женщины могут быть такими же решительными и отважными, как мужчины. Различие только в мышечной силе. Смелая женщина может убить десять человек легким молотком, но не сможет даже раздавить жука тяжелым молотом.

Уилфред Боуэн смотрел на него с гипнотическим ужасом, в то время как отец Браун внимательно и заинтересованно прислушивался,

слегка склонив голову набок.

— Почему эти идиоты всегда думают, что единственный человек, который может ненавидеть любовника жены — это ее муж? — еще настойчивее зашептал доктор. — В девяти случаях из десяти как раз жена больше всего ненавидит своего любовника. Кто знает, какое бесстыдство или предательство он ей предложил… вы только посмотрите туда!

Он сделал незаметный жест в сторону рыжеволосой женщины на скамье. Она наконец подняла голову, и слезы постепенно высыхали на ее прекрасном лице. Но в ее взоре, устремленном на труп с неистовой напряженностью, было что-то лунатическое.

Преподобный Уилфред Боуэн вяло махнул рукой, словно отмахиваясь от какого-либо желания узнать правду, но отец Браун, стряхнувший со своего рукава пепел, налетевший из топки, обратился к доктору своим обычным безразличным тоном.

— Вы похожи на многих врачей, — сказал он. — Ваши психологические объяснения многозначительны, но что касается физиологии — тут сплошные несоответствия. Действительно, женщина иногда хочет убить сообщника в пре-

любодеянии гораздо сильнее, чем потерпевший. Я согласен, что женщина выберет молоток, а не большой молот. Но то, о чем вы говорили, физически невозможно. Ни одна женщина не смогла бы так расплющить человеческий череп, — он выдержал небольшую паузу и задумчиво добавил: — Эти люди еще не уловили суть дела. Ведь полковник носил железный шлем, а удар раздробил его, словно хрупкое стекло. Посмотрите на эту женщину. Посмотрите на ее руки!

Снова воцарилось молчание, а потом доктор кисло произнес:

— Возможно, я ошибаюсь; на все можно найти свои возражения. Но одно несомненно: никто, кроме полного идиота, не возьмет молоток, если может взять большой молот.

Услышав эти слова, Уилфред Боуэн обхватил голову худыми дрожащими руками и вцепился в свои редкие соломенные волосы.

— Вот оно, это слово, вы подсказали его! — воскликнул он и продолжал, справившись с волнением: — Вы сказали: «Никто, кроме полного идиота, не возьмет молоток».

— Да, — отозвался доктор. — Ну и что?

— Это и был идиот, — сказал викарий.

Все взгляды устремились на него, и он лихо-

радочно задрожал, словно готовый сорваться в истерику.

— Я священник! — ломающимся голосом выкрикнул он. — Священник не должен проливать кровь. Я… я хочу сказать, он не должен никого приводить на виселицу. Слава богу, сейчас я понял, кто совершил преступление, потому что этого преступника нельзя осудить и повесить.

— Вы не станете разоблачать его? — поинтересовался доктор.

— Его не повесят, даже если я разоблачу его, — ответил Уилфред с диковатой, но странно счастливой улыбкой. — Когда я вошел в церковь сегодня утром, то увидел коленопреклоненного дурачка — беднягу Джо, который от роду был слабоумным. Бог знает, почему он молился, но у этой братии все шиворот-навыворот, и молитвы, наверное, тоже. Может быть, безумец молился перед тем, как убить человека. Когда я последний раз видел бедного Джо, он был вместе с моим братом и тот издевался над ним.

— Боже мой! — воскликнул доктор. — Это другое дело. Но как вы объясните…

Преподобный Уилфред едва ли не трепетал от волнения, увлеченный открывшимся ему проблеском истины.

— Разве вы не видите, — горячо продолжал он, — это единственный вывод, объясняющий обе загадки: легкий молоток и мощный удар. Кузнец может нанести мощный удар, но он не выберет легкий молоток. Его жена выбрала бы легкий молоток, но она не может нанести мощный удар. Но безумец может сделать и то, и другое. Что касается молотка — ясное дело, сумасшедший может взять любой предмет. А что касается мощного удара, доктор, разве вы никогда не слышали, что маньяк в приступе ярости может одолеть десятерых человек?

Доктор набрал в грудь побольше воздуха.

— Кажется, вы дошли до сути, — признал он.

Отец Браун устремил взгляд на говорившего и смотрел на него долго и пристально, словно пытаясь доказать, что его большие серые глаза более выразительны, чем невзрачное лицо. Когда наступило молчание, он произнес с подчеркнутым уважением:

— Мистер Боуэн, ваша теория — единственная из всех предложенных до сих пор, которая не содержит никаких противоречий и практически неопровержима. Поэтому скажу вам откровенно: на мой взгляд, она не соответствует действительности.

С этими словами странный маленький человек отошел в сторону и снова уставился на молоток.

— Кажется, этот тип знает больше, чем ему положено, — брюзгливо прошептал доктор на ухо Уилфреду. — Эти католические попы ужасно изворотливы.

— Нет, нет, — слабым голосом отозвался Боуэн, как будто сраженный внезапной усталостью. — Это был дурачок… это был дурачок.

Два клирика и доктор отделились от более официальной группы, включавшей инспектора и человека, которого он арестовал. Но теперь, когда их разговор прервался, они услышали голоса остальных. Священник поднял голову и снова опустил ее, когда услышал громкий голос кузнеца:

— Надеюсь, я убедил вас, мистер инспектор. Ваша правда, я сильный человек, но не могу добросить свой молот досюда из Гринфорда. У моего молота нет крыльев, чтобы пролететь полторы мили через ограды и поля.

Инспектор дружелюбно рассмеялся.

— Конечно, нет, — сказал он. — Думаю, вас можно исключить, хотя это одно из самых удивительных совпадений, какие мне приходилось видеть. Я лишь прошу вас оказать всевозможное

содействие в поисках такого же большого и сильного мужчины, как вы сами. Ей-богу, вы можете быть нам полезны хотя бы для того, чтобы задержать его! Полагаю, вы сами не представляете, кто бы это мог быть?

— У меня есть догадка, — ответил бледный кузнец. — Но это не мужчина.

Увидев, как кое-кто испуганно покосился на его жену, он подошел к скамье и положил огромную руку ей на плечо.

— И не женщина, — добавил он.

— Кого же вы имеете в виду? — шутливо спросил инспектор. — Вы ведь не думаете, что коровы пользуются молотками, верно?

— Я думаю, никакая плоть не касалась этого молотка, — сдавленным голосом ответил кузнец. — Коли уж на то пошло, этот человек умер в одиночестве.

Уилфред внезапно подался вперед и впился в него горящим взором.

— Вы хотите сказать, Барнс, что молот прыгнул сам по себе и зашиб его? — раздался пронзительный голос сапожника.

— Вы, джентльмены, можете смотреть и ухмыляться! — вскричал Симеон. — Вы и священники, которые рассказывают вам по воскресеньям, в

каком безмолвии Господь поразил Сеннахериба. Я верю, что Тот, кто невидимым входит в каждый дом, защитил честь моего дома и покарал осквернителя смертью перед самым его порогом. Я верю, что этим молотом двигала та же сила, что движет землетрясениями.

— Я сам предупреждал Нормана, чтобы он убоялся грома и молнии, — почти совсем неразборчиво пробормотал Уилфред.

— Этот подозреваемый не в моем ведении, — с легкой улыбкой заметил инспектор.

— Зато вы в Его ведении, — сказал кузнец. — Не забывайте об этом.

Он повернулся к ним широкой спиной и вошел в дом. Потрясенный Уилфред ушел в сопровождении отца Брауна, который старался поддержать легкую и дружелюбную беседу.

— Давайте покинем это ужасное место, мистер Боуэн, — сказал он. — Можно мне заглянуть в вашу церковь? Говорят, это одна из старейших церквей в Англии. Как вам известно, — добавил он с комичной гримасой, — мы испытываем определенный интерес к старинным английским церквям.

Уилфред Боуэн не улыбнулся, так как он вообще не отличался чувством юмора. Но он энергично

кивнул, готовый объяснить тонкости готического величия человеку, проявляющему к этой теме больше сочувствия, чем кузнец-пресвитерианец или сапожник-атеист.

— Давайте зайдем отсюда, — сказал он и повел маленького священника к боковому входу на вершине лестничного пролета. Отец Браун поставил ногу на первую ступеньку, собираясь последовать за ним, но кто-то вдруг положил руку ему на плечо. Обернувшись, он увидел высокую темную фигуру доктора, чье лицо еще больше потемнело от подозрения.

— Сэр, — хрипло сказал врач, — судя по всему, вам известны некоторые секреты этого черного дела. Позвольте спросить, вы собираетесь держать их при себе?

— Отчего же, доктор, — с приятной улыбкой ответил священник. — Но если обычный человек склонен держать свои выводы при себе, если он не уверен в них, то человеку моей профессии по долгу службы часто приходится держать при себе такие выводы, в которых он вполне уверен. Впрочем, если вам или кому-то еще кажется, что моя сдержанность граничит с невежливостью, я готов дойти до предела возможного и предложить вам два вполне прозрачных намека.

— Итак, сэр? — угрюмо произнес доктор.

— Первый из них находится в вашей компетенции, — тихо сказал отец Браун. — Это вопрос физической науки. Кузнец ошибся не в том, что кара пришла свыше, а в том, что она была чудесной. Это не чудо, доктор, разве что можно назвать чудом самого человека, с его непредсказуемым, порочным и все же иногда героическим сердцем. Сила, раздробившая череп полковника, хорошо известна ученым и представляет собой один из наиболее широко обсуждаемых законов природы.

— А другой намек? — спросил доктор, с хмурой сосредоточенностью смотревший на него.

— Вот и другой намек, — сказал священник. — Хотя кузнец верит в чудеса, помните ли вы, как презрительно он говорил, что у его молота нет крыльев, чтобы пролететь полторы мили над оградами и полями?

— Да, помню, — ответил доктор.

— Так вот, — отец Браун широко улыбнулся, — эта невозможная вещь на самом деле находится ближе всего к истине из всего, что было сказано сегодня.

С этими словами священник повернулся и поднялся по лестнице вслед за викарием.

Преподобный Уилфред, бледный и нетерпеливый, как будто эта незначительная задержка была последней каплей для его нервов, сразу же повел отца Брауна в свой любимый уголок церкви — в ту часть галереи, которая находилась ближе всего к резной крыше и была освещена чудесным окном с изображением ангела. Маленький католический священник внимательно все осмотрел и всем восхитился, не переставая болтать жизнерадостным, хотя и приглушенным голосом. Когда он обнаружил боковой выход на винтовую лестницу, по которой Уилфред торопливо спускался к мертвому брату, то с обезьяньим проворством побежал не вниз, а наверх, и его ясный голос донесся с верхней наружной площадки.

— Поднимайтесь сюда, мистер Боуэн, — позвал он. — Здесь свежий воздух, он будет полезен для вас.

Боуэн последовал за ним и вскоре вышел на короткую каменную галерею или балкон с внешней части здания, откуда открывался вид на бескрайнюю равнину, где стоял их маленький холм, покрытую лесами и полями до багровеющего горизонта и усеянную деревнями и фермами. Внизу виднелся четкий квадратик двора кузницы, где все еще стоял инспектор, что-то писавший в блок-

ноте, и лежал труп, словно раздавленная муха.

— Похоже на карту мира, не так ли? — спросил отец Браун.

— Да, — ответил Боуэн и кивнул с очень серьезным видом.

Прямо под ними и вокруг них контуры готической церкви выпирали наружу, пронзая хаос с головокружительной скоростью, сродни самоубийству. В средневековой архитектуре есть элемент титанической энергии, который, в каком бы аспекте он ни заключался, всегда как бы устремляется прочь, подобно сильной спине лошади, скачущей во весь опор. Церковь была высечена из древнего камня, заросшего лишайником и облепленного птичьими гнездами. Когда они смотрели на нее снизу, она устремлялась к звездам, как застывший фонтан, а когда они смотрели на нее сверху, как теперь, она водопадом низвергалась в безгласную бездну. Два человека на башне остались наедине с самым ужасным свойством готики — чудовищными диспропорциями, искаженными перспективами, проблесками великого в малом и малого в великом. Они оказались в перевернутом вверх дном каменном царстве. Фрагменты каменной резьбы, огромные в своей близости, накладывались на

игрушечный фон полей и лесов в отдалении. Резная птица или угловая фигура казалась летящим или бредущим драконом, опустошавшим пастбища и деревни внизу. Все вокруг казалось непрочным и опасным, словно люди поднялись в воздух между машущих крыльев колоссального джинна, и вся старинная церковь, такая же высокая и богато изукрашенная, как кафедральный собор, надвинулась на залитую солнцем долину, как грозовая туча.

— На такой высоте опасно стоять и даже молиться, — сказал отец Браун. — Высокие места созданы для того, чтобы на них смотреть, а не для того, чтобы смотреть с них.

— Вы хотите сказать, можно свалиться вниз? — поинтересовался Уилфред.

— Я хочу сказать, что душа может пасть вниз, даже если тело останется наверху, — ответил священник.

— Что-то я плохо понимаю вас, — неразборчиво пробормотал Уилфред.

— Возьмем, к примеру, этого кузнеца, — спокойно продолжал отец Браун. — Он хороший человек, но не христианин: жесткий, властный, неумолимый. Его шотландская религия была создана людьми, молившимися на вершинах

холмов и высоких утесов, где человек приучался смотреть на мир сверху вниз, вместо того чтобы смотреть на небо снизу вверх. Смирение — мать величия. Из долины можно увидеть великие вещи, а с вершины — только малые вещи.

— Но ведь он… он не убивал, — дрожащим голосом произнес Боуэн.

— Да, — странным тоном отозвался его собеседник. — Мы знаем, что он этого не делал.

Спустя мгновение он возобновил разговор, безмятежно глядя на равнину своими бледно-серыми глазами.

— Я знал одного человека, — сказал он, — который сначала молился с другими перед алтарем, а потом возлюбил высокие и уединенные места для молитвы, углы и ниши в башнях или на колокольне. И однажды в одном из этих возвышенных мест, где весь мир вращался под ним, как колесо, его разум тоже повернулся, и он возомнил себя богом. Так что, хотя он был хороший человек, но совершил тяжкий грех.

Уилфред отвернулся, но его костлявые пальцы, вцепившиеся в каменный парапет, побелели от напряжения.

— Он думал, что *ему* дано судить этот мир и карать за грехи. Если бы он преклонял колени

на полу вместе с другими людьми, ему никогда не пришла бы в голову подобная мысль. Но он видел, как люди снуют внизу, словно насекомые. Он заметил среди них одно особенно суетливое, бесстыдное и ядовитое насекомое, заметное по ярко-зеленой шляпе.

Над колокольней разносились лишь крики грачей, но не последовало никакого другого звука, пока отец Браун не продолжил:

— Во искушение этому человеку, он имел под рукой одно из самых ужасных орудий природы. Я имею в виду силу тяготения — неодолимую и невидимую силу, притягивающую к центру Земли все сущее на ней. Смотрите, вон инспектор расхаживает внизу во дворе кузницы. Если я брошу камешек через этот парапет, он наберет скорость пули, когда попадет в человека. Если же я брошу молот или даже простой молоток…

Уилфред Боуэн перекинул ногу через парапет, но отец Браун тут же схватил его за воротник.

— Только не через эту дверь, — мягко сказал он. — Эта дверь ведет в ад.

Боуэн откинулся к стене и испуганно посмотрел на собеседника.

— Откуда вы все это знаете? — воскликнул он. — Вы дьявол?

— Я человек, поэтому все дьяволы живут в моем сердце, — серьезно ответил отец Браун. — Послушайте меня, — добавил он после небольшой паузы, — я знаю, что вы сделали; по крайней мере, могу догадаться. Когда вы расстались с братом, то были охвачены гневом, и не скажу, что это был неправедный гнев. Вы даже схватили молоток, едва не решившись убить его за гнусности, исходившие из его уст. Но вы отпрянули в страхе перед убийством, сунули молоток за пазуху и бросились в церковь. Вы страстно молились во многих местах, под окном с ангелом, на галерее и на высокой площадке, откуда вы могли видеть восточную шляпу полковника, словно спинку зеленого жука, ползающего вокруг. Тогда что-то надломилось в вашей душе, и вы обрушили на него гром и молнию.

Уилфред поднес слабую руку ко лбу и тихо спросил:

— Откуда вы знаете, что его шляпа была похожа на зеленого жука?

— Ах это, — с легкой улыбкой отозвался священник. — Это всего лишь здравый смысл. Но послушайте дальше. Я сказал, что все знаю, но больше никто не узнает об этом. Следующий шаг за вами; я свой шаг уже сделал. Я скрою это

за тайной исповеди. Если вы спросите почему, я отвечу, что есть много причин и лишь одна имеет отношение к вам. Я оставляю конец на ваше усмотрение, потому что вы еще не зашли слишком далеко по той дороге, по которой ходят убийцы. Вы не стали взваливать вину на кузнеца или его жену, когда это было легче всего сделать. Вы попытались взвалить ее на слабоумного, так как знали, что он не пострадает. Это один из проблесков, которые я обязательно ищу в душе убийцы. А теперь спустимся в деревню, и идите своей дорогой, свободный как ветер, потому что я все сказал.

Они в полном молчании спустились по винтовой лестнице и вышли на солнечный свет во дворе кузницы. Уилфред Боуэн аккуратно отпер деревянную калитку, подошел к инспектору и сказал:

— Я хочу сознаться в убийстве моего брата.